

Юрий Петренко

Пуля и печать

Юрий Петренко

Пуля и печать

<https://litres.ru/74339097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический детектив, герметичный ретро-нуар, бадди-муви Серебряного века.

Особенность реальный исторический таймлайн и живые гении эпохи (Бунин, Шалапин, Тренёв), как свидетели и участники криминальной драмы.

Ялта.

Октябрь 1903 года.

В закрытом изнутри номере 42 гранд-отеля «Россия» найден мёртвым польский граф и миллионер. Местная полиция умоляет признать смерть «припадком от крымского солнца и холодного вина», чтобы не пугать респектабельную публику Ривьеры. За расследование дела, которое длится всего несколько часов, берутся два офицера сыскной полиции:

Станислав Францевич Коткевич — утончённый столичный аналитик, аристократ с цейсовской лупой, швейцарским хронометром и ледяным ланцетом логики.

Кузмич — грузный, тёртый унтер-офицер с окладистой бородой, пудовыми кулаками, дубовой тростью и абсолютным знанием законов тёмной улицы.

Противостояние безупречной логики (микроскопа) и практического опыта трущоб (улицы) на фоне заговоров Департамента полиции.

Содержание

Глава 0. Предвкушение	5
Глава 1. Лабиринты и голоса	10
Глава 2. Загадка номера 42	14
Глава 3. Свидетель с безупречным слухом	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пуля и печать

Глава 0. Предвкушение

Шквал ударил в борт буксира «Удалой» с такой силой, что дубовая обшивка рубки застонала, а компас в нактоузе крутанулся волчком. Октябрьское море у берегов Ялты выло, выплёвывая тонны серой, ледяной пены прямо на палубу. Туман пришёл со стороны мыса Ай-Тодор мгновенно — плотный, пахнущий тухлой рыбой и мокрой известковой пылью. На расстоянии вытянутой руки мир перестал существовать.

Станислав Францевич Коткевич висел на скоб-трапе правого борта, вцепившись в обледенелое железо левой рукой. Правой он прижимал к груди тяжелый кожаный саквояж с никелированными замками — неприкосновенный архив Московской сыскной полиции и личную походную лабораторию. Напарник Петра Аркадьевича Столыпина по реформе уголовного сыска империи сейчас меньше всего походил на блестящего столичного чиновника. Его песочное пальто насквозь промокло и потемнело от соли, лакированные туфли скользили по склизким доскам палубы, а крахмальный воротничок окончательно превратился в мокрую тряпку. Но в глазах польского дворянина, сузившихся от ледяных брызг, горело упрямое, злое бешенство аналитика, у которого ло-

мают выверенный хронометраж.

— Кузмич! — крикнул Коткевич в ревущую пустоту. Голос сорвался на фальцет, легкий польский акцент утонул в грохоте прибоя. — Если этот портовый идиот проскочит мол и выбросит нас на камни у мола, я лично застрелю его из «нанана»! Мы должны были пришвартоваться ровно двадцать минут назад! У меня химреактивы в саквояже теряют температурный ценз!

Из серой круговерти тумана, прямо над головой Коткевича, соткалась огромная, туша в форменном плаще, пахнущем дегтем. Кузмич сидел верхом на причальном кнехте буксира, обхватив его ногами, как строптивного коня. Его потрёпанная суконная фуражка была привязана к подбородку грязной бечевкой, а в зубах намертво зажата дымящаяся, несмотря на брызги, козья ножка с махоркой.

— Не из «нанана», ваше благородие, а из «нагана»! Грамоте вас в вашей Варшаве учили, а уставной револьвер называть не можете! — Прогремел Кузмич, утирая бороду рукавом. — Держите саквояж, идол вы столичный! Ноги шире ставьте, как унтер-офицер на плацу, иначе в море сдует, лови вас потом среди медуз! Портовый шкипер не идиот, он дорогу по запаху кабаков на Набережной знает! О, слышите? Бабахнуло!

В тумане глухо, с оттяжкой ухнуло. Это был не гром. Звук пришел со стороны суши — сухой, плотный, раскатистый взрыв, от которого заложило уши. Через секунду ветер донес

до буксира отчетливый, едкий запах горелого пороха, серы и паленой человеческой шерсти.

Буксир с глухим ударом врезался носом в деревянный крань у ялтинского мола. Раздался треск лопающихся пеньковых канатов. Коткевича швырнуло вперед, он сильно ударился плечом о железный фальшборт, но саквояж не выпустил. Кузмич, весивший добрых семь пудов, соскользнул с кнехта с ловкостью портового кота, перемахнул через борт и тяжело рухнул прямо на мокрые, склизкие доски причала. Его тяжелые юфтевые сапоги выбили фонтан грязной пены.

— Руку давай, пан Станислав! Живее! — Кузмич рванул Коткевича за шиворот вверх, словно тот был легким пучком соломы, и поставил на ноги на твердую землю. — Это не шторм, ваше благородие. Это на Набережной шуруют. Эсеры, чтоб им в гробу перевернуться, или контрабандисты склад подпалили.

Коткевич мгновенно выпрямился, хладнокровно проигнорировав боль в плече. Он вынул из кармана жилета серебряный хронометр со сломанным стеклом — циферблат залило водой, но секундная стрелка еще упорно ползла вперед.

— Октябрь, одиннадцатое число. Ровно одиннадцать часов и семь минут, — Коткевич щелкнул крышкой, его голос снова стал ледяным и ровным. — Направление звуковой волны — тридцать градусов к норду. Район гостиницы «Россия» или дачи градоначальника Думбадзе. Взрывчатое

вещество — динамит, судя по желтоватому оттенку дыма, который ветер прижал к воде. Вес заряда — не менее трех фунтов. Кузмич, бегом!

— Да куда бегом, у вас штиблеты лаковые развалятся через сто сажень! — Рывкнул Кузмич, уже срывая с плеча свою тяжелую дубовую трость с железным набалдашником.

Они бежали сквозь серую, плотную мглу Ялты. Город казался вымершим, но по мере приближения к Набережной туман начал окрашиваться в жутковатый, багровый цвет. Пахло гарью. Под ногами вместо привычной гальки начали попадаться осколки дорогого зеркального стекла, щепки от пролеток и куски разорванной конской упряжи.

Сквозь пелену проступили контуры огромного четырехэтажного здания отеля «Россия». Прямо перед его парадным подъездом догорали деревянные остатки роскошной двухместной коляски. Одна лошадь, хрипя, билась в предсмертных судорогах на разбитой мостовой, вторая унеслась в темноту Приморского парка. На гранитных ступенях отеля, прижав руки к окровавленному лицу, сидел портье в изорванной ливрее с золотыми галунами.

— Назад! Назад, дураки, разорвет! — Из дыма выскочил местный пристав Гвоздевич. Его форменный сюртук был растянут, золотые эполеты болтались на одной нитке, а в руке он сжимал обнаженную шашку, которой испуганно рубил воздух вокруг себя. — Там в подсобке у набережной полыхнуло! Иски пойдут от постояльцев, полгорода разнесло!

Кто такие?! Назад, говорю!

Коткевич остановился в трех шагах от мечущегося пристава. Одним резким движением он сунул Гвоздевичу прямо под нос красную сафьяновую книжку с золотым тиснением Министерства внутренних дел.

— Коллежский асессор Коткевич. Особый уполномоченный по уголовному сыску Таврической губернии. — Голос польского дворянина прозвучал как удар хлыста. — Гвоздевич, прекратите истерику и уберите эту железку, вы выглядите смешно. Кузмич, оцепить подсобку! Никого не выпускать и не впускать. Кто первый вошел в холл после взрыва?

Из дверей отеля, сильно кашляя от едкого дыма, вышел молодой человек в накинутах на одно плечо драповом пальто. Он держал у рта белоснежный платок, на котором проступали пятна свежей крови. Иван Бунин посмотрел на Коткевича безумными, воспаленными от бессонницы глазами.

— Там... на четвертом этаже, — прохрипел писатель, указывая пальцем вверх, где над карнизом номера 42 поднимался тонкий, зловещий ручеек черного дыма. — Там не от взрыва. Там кричали. Я слышал, как упало что-то тяжелое. Ровно за минуту до того, как грохнуло здесь, внизу.

Коткевич переглянулся с Кузмичем. В глазах старого филера секундная расслабленность сменилась мертвой, профессиональной хваткой хищника. Подколки кончились. Предвкушение идеального дела, где пуля на улице была лишь ширмой для печати в запертой комнате, началось.

Глава 1. Лабиринты и голоса

Холл гостиницы «Россия» напоминал тонущий броненосец. Паника была дорогой, пахнувшей амброй, коньячным перегаром и подпаленным мехом. Электричество мигало, лампочки Эдисона тускнели, выхватывая из полумрака обезумевшие лица столичных курортников. Дамы в растрепанных капотах штурмовали стойку портье, швыряя под ноги лакеям завернутые в простыни бриллианты. Огромные зеркала во всю стену, уцелевшие после взрыва на Набережной, мелко дрожали от штормовых ударов моря.

— Кузмич, багаж! Не спускать глаз с саквояжа, — Коткевич шёл сквозь толпу, как ледокол, насаживая толпу на остриё своего ледяного взгляда. Песочное сукно его пальто, пропитанное морской солью, дымилось в тепле вестибюля. — И ради бога, перестаньте хвататься за кобуру. Вы пугаете публику. Здесь работают не револьвером, а серым веществом.

— Да какое тут вещество, Станислав Францевич! — Кузмич, тяжело дыша, пёр сзади, держа никелированный саквояж начальника на уровне груди, словно полковую икону. Его сапоги оставляли на начищенном паркете жирные следы ялтинского чернозёма. — Тут шваль портовая под шумок карманы чистит, я их по затылкам вижу! Вон, глядите, Мишка-Левша у камина ошивается, у него на роже написано —

«динамит». Дайте я ему в ухо заеду, он нам через минуту всю подноготную выложит!

— Отставить Мишку. Нам нужен четвертый этаж, номер сорок два, — Коткевич резко остановился у кованой шахты гидравлического лифта «Отис».

Лифт застрял между первым и вторым этажами. Из-за чугунной решетки доносился такой плотный, утробный и сочный бас, что хрустальные подвески на люстрах холла начинали звенеть в тон.

— Позвольте! Это безобразие! — Фёдор Шаляпин, запертый в клетке подъемника вместе с испуганным лифтёром, сотрясал чугунные прутья огромными руками. На певце был роскошный шелковый халат, наброшенный прямо на сорочку. — Земля дрожит, полиция бежит, а великий артист должен куковать в этой железной душегубке?! Дайте мне водки с лимоном и немедленно вызовите инженера, или я разнесу этот курятник силой своего аппарата!

— Фёдор Иванович, утихомирьте ваш аппарат, — Коткевич даже не улыбнулся, мимоходом приподняв шляпу перед певцом. — Внизу взорвали динамит. Механизмы повреждены. Кузмич, ищи черную лестницу. На лифте мы сегодня уедем только в прозекторскую профессора Киселёва.

— Черная лестница за кухней, ваше благородие, — Кузмич ловко перехватил саквояж одной рукой, а второй бесцеремонно отодвинул в сторону бледного, как смерть, молодого человека, который едва держался за косяк двери.

Это был Константин Тренёв. Молодой учитель гимназии сжимал в посиневших пальцах пустую кожаную папку с выдвинутым золотым орлом. На его лбу выступили крупные капли пота, а глаза бегали.

— Вы... вы из сыскной? — Тренёв перехватил Коткевича за рукав мокрого пальто. Пальцы учителя дрожали. — Там, наверху... граф Пшемьцкий. Я был у него. Ровно за двадцать минут до этого кошмара. Я приносил ему на осмотр ольвийскую монету. Он... он не открывал дверь. Но изнутри пахло... странно. Не табаком. Чем-то сладким, горьким, как миндаль.

Коткевич замер на первой ступени винтовой черной лестницы. Его ноздри хищно раздулись.

— Миндаль? Цианистый калий, — Коткевич вынул из жилетного кармана золотой хронометр. — Хронология, Кузмич, пишите в вашу память. Тренёв пришел в одиннадцать. Взрыв на набережной — в одиннадцать ноль семь. Бунин слышал удар в одиннадцать ноль шесть. Убийца разыграл партию по нотам. Взрыв снизу нужен был лишь для того, чтобы заглушить грохот падающего тела или выстрел в запертой комнате.

— Да какой выстрел, ежели миндаль! — Кузмич уже топал вверх по каменным ступеням, от которых пахло жареным луком и ресторанным угаром. — Отравился поляк, туды его в качель. Ладно, пан Станислав, шевелите штиблетами. Четвертый этаж — это вам не Варшавский вокзал, тут коленки быстро вспомнят, сколько господину начальнику лет.

На третьем этаже туман из разбитых окон коридора смешивался с едким черным дымом. Где-то в глубине коридора истошно кричала горничная.

Коткевич шёл вверх, не сбавляя шага, хотя дыхание уже становилось прерывистым. Математическая модель преступления, которую он выстраивал в голове, пока буксир бился о мол Ялты, начинала трещать по швам. Миндаль, динамит, пустая папка археолога, Шаляпин в лифте и Бунин с окровавленным платком — все эти элементы должны были сойтись в одной точке.

На четвертом этаже, у двери с латунной цифрой «42», их уже ждал пристав Гвоздевич. Он упрямо дергал массивную ручку, из-под косяка которой выползала тонкая, пахнущая гарью струйка сизого дыма. Дверь сидела намертво, запертая на внутренний засов.

Глава 2. Загадка номера 42

За дубовой дверью номера 42 пахло не просто смертью. Там пахло дорогим помадным мылом, выдохшимся крымским вином и тем самым сладковато-горьким, удушливым ароматом раздавленного миндального ядра, о котором внизу говорил бледный учитель Тренёв. Тонкая струйка сизого дыма, пробивавшаяся сквозь щель над порогом, неохотно растворялась в холодном сквозняке коридора, где паниковал пристав Гвоздевич.

— Не поддаётся, ваше благородие! — Гвоздевич, навалившись всем телом на массивную ручку, обернулся к Коткевичу. Его лицо, испачканное сажей после взрыва на Набережной, выражало смесь ужаса и верноподданнического рвения. — Задвижка там латунная, тульской работы, в три вершка толщиной. Изнутри граф заперся, точно вам говорю! Граф Пшемьцкий вообще старик был нелюдимый, лакеев не жаловал, к вечеру всегда на засов баррикадировался. Может, у него там припадок от этого грохота случился?

— Отойдите, Гвоздевич, вы загораживаете мне свет и портите косяк, — Коткевич даже не повысил голоса, но пристав мгновенно отпрянул, словно его стегнули хлыстом.

Польский дворянин подошёл ближе, бережно поставил свой никелированный саквояж на ковровую дорожку коридора и опустился на одно колено. Песочные полы его сто-

личного пальто коснулись паркета. Вынув из жилетного кармана цейсовскую лупу, Коткевич приблизил её к замочной скважине. Внутри было пусто — ключ не был вставлен в замок. Это означало, что единственным запором, удерживающим дверь, действительно являлась та самая массивная латунная задвижка, расположенная на аршин выше ручки.

— Ну что там, пан Станислав? — Кузмич подошёл сзади, тяжело дыша после подъёма на четвёртый этаж. Он поставил свою дубовую трость между сапогами и навалился на неё обеими руками. — Видать чего сквозь дыру-то? По мне, так нечего тут высматривать. Дайте я плечом приложусь, дуб хоть и крепкий, а против семи пудов унтер-офицерской кости не устоит.

— Кузмич, если вы приложите сюда свои пуды, вы превратите место преступления в конюшню, — Коткевич поднялся, аккуратно стряхивая невидимую пыль с колен. — Обратите внимание на щель между дверью и косяком. Видите тонкий след на сукне, которым обит притвор? Здесь была нить. Или тонкая проволока. Убийца не умел проходить сквозь стены, Кузмич. Он просто знал законы механики лучше, чем местная полиция. Ломайте, но аккуратно. Постарайтесь не повредить засов.

— Это мы мигом, — Кузмич сплюнул в кулак, отодвинул Гвоздевича, который попытался было что-то возразить, и коротко, без замаха, ударил правым плечом в район замка.

Дерево застонало. Старый филёр отступил на шаг и уда-

рил снова — сильнее, с коротким выдохом. Раздался сухой, трескучий звук раскалываемого дуба. Внутренняя латунная задвижка, не выдержав веса огромного мужчины, с мясом вырвала шурупы из ответной планки, и дверь с грохотом распахнулась внутрь номера. Из комнаты на сыщиков хлынула волна теплого, застоявшегося воздуха, густо перемешанного со зловещим миндальным угаром.

Номер 42 встретил их полумраком и гнетущей, застывшей тишиной. Огромная комната, обставленная с роскошью столичного гранд-отеля, казалась нетронутой. Тяжёлые бархатные портьеры глубокого бордового цвета были раздвинуты. Огромное окно четвертого этажа было распахнуто настежь, и в него с ревом врывался штормовой ялтинский ветер, заставляя метаться пламя догорающих в камине поленьев. Из окна открывался жуткий и величественный вид: отвесная каменная стена уходила вертикально вниз, обрываясь прямо в бушующую серую пену Чёрного моря. Никаких балконов, никаких уступов или пожарных лестниц. Только гладкий известняк и сорок аршин пустоты до кипящих волн.

Граф Пшемьцкий сидел в глубоком вольтеровском кресле, развернутом спиной к двери и лицом к камину. Его голова была неестественно запрокинута назад, остекленевшие, широко раскрытые глаза уставились в лепную розетку на потолке, откуда свисала выключенная люстра. Седые, аккуратно подстриженные усы были испачканы подсохшей пеной. На лакированном круглом столике у правого подлокотни-

ка кресла стояла недопитая бутылка темного инкерманского вина, хрустальный бокал с розоватым налетом на донышке и недокуренная сигара марки «Ромео и Джульетта». Пепел на ней лежал длинным, ровным, не обрушившимся столбиком.

— Ну вот, что я говорил! — Гвоздевич первым попытался пройти к телу, но Коткевич резко выставил вперед трость, преграждая ему путь. — Чистый припадок, Станислав Францевич! Посмотрите на лицо — посинело всё. Хлебнул вина, сердце прихватило от взрыва, он к окну кинулся за воздухом, открыть открыл, а до кровати не дошел. Упал в кресло да и преставился. А задвижка... ну, вылетели шурупы от старости, дерево-то сырое, южное.

— Гвоздевич, если вы сделаете еще один шаг по этому ковру, я отстраню вас от должности личным приказом генерал-губернатора еще до заката, — ледяной тон Коткевича заставил пристава замереть на одной ноге. — Кузмич, встаньте у дверей. Никого не впускать. Доставайте ваш блокнот, начнем хронометраж и фиксацию.

Польский дворянин подошел к телу графа, ступая осторожно, след в след, словно шел по минному полю. Он вынул из кармана жилета свои серебряные часы со сломанным стеклом, сверил время.

— Записывайте, Кузмич. Октябрь, одиннадцатое число. Время — одиннадцать часов тридцать две минуты. Смерть наступила приблизительно сорок пять минут назад. То есть ровно в одиннадцать часов сорок семь минут. За двадцать

минут до взрыва на Набережной.

— Позвольте, ваше благородие, — Кузмич, кряхтя, достал из кармана плаща потрёпанную записную книжку в коленкоровом переплете и огрызок карандаша, который он предвзительно посплюнявил. — Как же сорок пять минут назад, ежели учитель этот, Тренёв, божился, что пришел сюда в одиннадцать? Стало быть, граф тогда еще живой был, только дверь не открывал?

— Именно, Кузмич. В одиннадцать часов граф Пшемьцкий уже не мог открыть дверь, потому что был либо мертв, либо без сознания, — Коткевич опустил перед креслом на корзину, внимательно изучая руки покойного. — Посмотрите на пальцы графа. Они сведены судорогой. Ногти имеют характерный синюшный оттенок. А теперь посмотрите на столик. Бокал стоит ровно по центру салфетки. Если бы у человека начались судороги от цианида — а этот запах миндаля не оставляет сомнений в характере яда — он бы в предсмертной агонии смахнул и бокал, и бутылку, и этот столик. Но всё стоит идеально. Значит, бокал на столик поставил кто-то другой. После того как граф испустил дух.

— Так комната-то заперта была, пан Станислав! — Кузмич почесал дубовым набалдашником трости за ухом. — Изнутри! Мы ж ее сами только что вынесли. Как же убийца вышел и бокал поставил, ежели засов задвинут? По воздуху улетел? Так Бунин на веранде сидел, он бы заметил летуна такого четвертого этажа. По мне, так граф сам выпил, акку-

ратно бокал поставил, задвижку задвинул, сел в кресло и помер. Сердечный приступ от яда.

— Кузмич, вы упрямы, как волынский мул, — Коткевич поднялся, на его губах появилась тонкая, ироничная усмешка. — Вы готовы поставить бутылку французского коньяка «Камю» против вашего любимого портового вертепа, что это самоубийство или несчастный случай?

— А и поставлю! — Кузмич азартно бахнул кулаком по ладони. — Бутылка против кабака «Три пескаря» у мола! Не бывает так, ваше благородие, чтоб дверь сама изнутри запиралась, когда убийца из комнаты уходит. Это вам не спиритический сеанс в Санкт-Петербурге.

— Отлично, пари принято, — Коткевич подошел к распахнутому окну, заглянул вниз, где ревело море, а затем внимательно осмотрел подоконник. — Убийца не летал, Кузмич. Он был здесь. И он оставил нам визитную карточку, которую вы не видите, потому что привыкли искать воров по кабакам, а не по манерам.

Коткевич достал из кармана анатомический пинцет. Бережно, едва дыша, он поднял со стола сигарный бант, лежавший рядом с пепельницей. Бант был из дорогой плотной бумаги с золотым тиснением.

— Посмотрите сюда, Кузмич. Бант не разорван пальцами, как это делают купцы или портовые чиновники. Он аккуратно разрезан миниатюрным ножом. Срез идеальный, под углом в сорок пять градусов. Так поступают только истин-

ные аристократы или люди, получившие очень специфическое воспитание. Граф Пшемьцкий был правшой, но судорога свела его правую руку так, что пальцы согнуты внутрь. Он физически не мог отрезать этот бант перед смертью. Его отрезал тот, кто курил вместе с ним. Или тот, кто инсценировал эту мирную картину.

Кузмич подошел ближе, шмыгая носом, взгляделся в крошечный кусочек бумаги на острие пинцета Коткевича. В его глазах филёра, несмотря на внешнее ворчание, на секунду промелькнул огонек азарта.

— Ладно, пан Станислав. Бант отрезан. Допустим. А с задвижкой-то что делать? Какая химия вашу латунь сквозь щель задвинуть может?

— Обыкновенная механика, Кузмич. Шелковая нить, кусочек воска и каминный зажим. Убийца привязывает нить к ушку задвижки, перекидывает ее через верхний край двери, выходит в коридор, прикрывает дверь и тянет за нитку снаружи. Задвижка падает в паз. Затем резкий рывок — шелк режет воск, нить выскальзывает наружу, оставляя лишь микроскопический след на латуни. Тот самый след, свежую царапину, которую я видел через лупу перед тем, как вы выломали косяк.

Гвоздевич, слушавший этот диалог с открытым ртом, тихо перекрестился: — Пресвятая Богородица... Это ж какая тонкая работа. Это что ж за дьявол у нас в «России» завелся?

— Дьявол, который очень торопился, — Коткевич повер-

нулся к камину, где среди догорающих поленьев лежал обгоревший клочок плотной гербовой бумаги.

Польский дворянин опустился на одно колено прямо перед каминной решеткой, совершенно игнорируя летящую сажу, которая тут же испачкала его безупречные крахмальные манжеты. Пинцет в его руке действовал с хирургической точностью. Он бережно извлек из углей кусок документа, уцелевший буквально чудом благодаря тому, что упал в самый угол под зольник.

Кузмич наклонился над напарником, загораживая своей огромной спиной свет от окна.

— Что там опять, ваше благородие? Опять ваши бумажные улики?

— Хуже, Кузмич. Гораздо хуже для вашего пари, — Коткевич поднялся, держа перед собой обгоревший обрывок. — Посмотрите на штамп. Фиолетовая мастичная печать. *«Канцелярія Градоначальника. Особый отдѣлъ»*. А чуть ниже уцелели слова, написанные ровным канцелярским ронделем: *«...на закупку пулеметовъ системы...»* и цифра *«12 000 руб.»*. Граф Пшемыцкий не просто коллекционировал греческие амфоры в Ялте, Кузмич. Он финансировал тайные поставки оружия. И эта смета была подписана в ведомстве нашего глубокоуважаемого градоначальника Думбадзе.

В комнате повисла мертвая, звенящая тишина, нарушаемая только ревом шторма за окном и далекими криками паникующих постояльцев на Набережной.

Кузмич медленно снял фуражку, вытер рукавом лоб, на котором проступили крупные капли пота. Его мужицкая смекалка мгновенно подсказала ему то, о чем Коткевич говорил еще в пролетке. Это дело перестало быть просто загадкой запертой комнаты. Оно пахло большой политикой, террором и эсеровскими бомбами.

— Ну и дела... — тихо пробасил старый филёр, глядя на обрывок сметы. — Стало быть, пан Станислав, коньяк-то ваш отменяется? Тут как бы нас самих к этому покойнику в компанию не определили, ежели мы в канцелярию Думбадзе с такими расспросами сунемся. Жандармы нас сожрут и не поперхнутся.

— Сыскная часть империи не подчиняется страхам, Кузмич, — Коткевич бережно уложил обгоревший обрывок бумаги между страниц своего кожаного блокнота и со щелчком закрыл его. — Нам нужен убийца. И у нас есть ровно семь подозреваемых, которые находились на четвертом этаже в течение последнего часа. Начнем с нашего свидетеля с безупречным слухом. Гвоздевич, пошлите лакея в сорок первый номер. Пригласите к нам господина Бунина. Посмотрим, что его литераторское ухо зафиксировало за этой дубовой стеной.

Глава 2. Загадка номера 42

За дубовой дверью номера 42 пахло не просто смертью. Там пахло дорогим помадным мылом, выдохшимся крым-

ским вином и тем самым сладковато-горьким, удушливым ароматом раздавленного миндального ядра, о котором вни-зу говорил бледный учитель Тренёв. Тонкая струйка сизо-го дыма, пробивавшаяся сквозь щель над порогом, неохотно растворялась в холодном сквозняке коридора, где паниковал пристав Гвоздевич.

— Не поддаётся, ваше благородие! — Гвоздевич, нава-лившись всем телом на массивную ручку, обернулся к Коткевичу. Его лицо, испачканное сажей после взрыва на На-бережной, выражало смесь ужаса и верноподданнического рвения. — Задвижка там латунная, тульской работы, в три вершка толщиной. Изнутри граф заперся, точно вам говорю! Граф Пшемыцкий вообще старик был нелюдимый, лакеев не жаловал, к вечеру всегда на засов баррикадировался. Может, у него там припадок от этого грохота случился?

— Отойдите, Гвоздевич, вы загораживаете мне свет и пор-тите косяк, — Коткевич даже не повысил голоса, но пристав мгновенно отпрянул, словно его стегнули хлыстом.

Польский дворянин подошёл ближе, бережно поставил свой никелированный саквояж на ковровую дорожку кори-дора и опустился на одно колено. Песочные полы его сто-личного пальто коснулись паркета. Вынув из жилетного кар-мана цейсовскую лупу, Коткевич приблизил её к замочной скважине. Внутри было пусто — ключ не был вставлен в за-мок. Это означало, что единственным запором, удерживаю-щим дверь, действительно являлась та самая массивная ла-

тунная задвижка, расположенная на аршин выше ручки.

— Ну что там, пан Станислав? — Кузмич подошёл сзади, тяжело дыша после подъёма на четвёртый этаж. Он поставил свою дубовую трость между сапогами и навалился на неё обеими руками. — Видать чего сквозь дыру-то? По мне, так нечего тут высматривать. Дайте я плечом приложусь, дуб хоть и крепкий, а против семи пудов унтер-офицерской кости не устоит.

— Кузмич, если вы приложите сюда свои пуды, вы превратите место преступления в конюшню, — Коткевич поднялся, аккуратно стряхивая невидимую пыль с колен. — Обратите внимание на щель между дверью и косяком. Видите тонкий след на сукне, которым обит притвор? Здесь была нить. Или тонкая проволока. Убийца не умел проходить сквозь стены, Кузмич. Он просто знал законы механики лучше, чем местная полиция.ломайте, но аккуратно. Постарайтесь не повредить засов.

— Это мы мигом, — Кузмич сплюнул в кулак, отодвинул Гвоздевича, который попытался было что-то возразить, и коротко, без замаха, ударил правым плечом в район замка.

Дерево застонало. Старый филёр отступил на шаг и ударил снова — сильнее, с коротким выдохом. Раздался сухой, трескучий звук раскалываемого дуба. Внутренняя латунная задвижка, не выдержав веса огромного мужчины, с мясом вырвала шурупы из ответной планки, и дверь с грохотом распахнулась внутрь номера. Из комнаты на сыщиков хлынула

волна теплого, застоявшегося воздуха, густо перемешанного со зловещим миндальным угаром.

Номер 42 встретил их полумраком и гнетущей, застывшей тишиной. Огромная комната, обставленная с роскошью столичного гранд-отеля, казалась нетронутой. Тяжёлые бархатные портьеры глубокого бордового цвета были раздвинуты. Огромное окно четвертого этажа было распахнуто настежь, и в него с ревом врвался штормовой ялтинский ветер, заставляя метаться пламя догорающих в камине поленьев. Из окна открывался жуткий и величественный вид: отвесная каменная стена уходила вертикально вниз, обрываясь прямо в бушующую серую пену Черного моря. Никаких балконов, никаких уступов или пожарных лестниц. Только гладкий известняк и сорок аршин пустоты до кипящих волн.

Граф Пшемьцкий сидел в глубоком вольтеровском кресле, развернутом спиной к двери и лицом к камину. Его голова была неестественно запрокинута назад, остекленевшие, широко раскрытые глаза уставились в лепную розетку на потолке, откуда свисала выключенная люстра. Седые, аккуратно подстриженные усы были испачканы подсохшей пеной. На лакированном круглом столике у правого подлокотника кресла стояла недопитая бутылка темного инкерманского вина, хрустальный бокал с розоватым налетом на донышке и недокуренная сигара марки «Ромео и Джульетта». Пепел на ней лежал длинным, ровным, не обрушившимся столбиком.

— Ну вот, что я говорил! — Гвоздевич первым попытался

пройти к телу, но Коткевич резко выставил вперед трость, преграждая ему путь. — Чистый припадок, Станислав Францевич! Посмотрите на лицо — посинело всё. Хлебнул вина, сердце прихватило от взрыва, он к окну кинулся за воздухом, открыть открыл, а до кровати не дошел. Упал в кресло да и преставился. А задвижка... ну, вылетели шурупы от старости, дерево-то сырое, южное.

— Гвоздевич, если вы сделаете еще один шаг по этому ковру, я отстраню вас от должности личным приказом генерал-губернатора еще до заката, — ледяной тон Коткевича заставил пристава замереть на одной ноге. — Кузмич, встаньте у дверей. Никого не пускать. Доставайте ваш блокнот, начнем хронометраж и фиксацию.

Польский дворянин подошел к телу графа, ступая осторожно, след в след, словно шел по минному полю. Он вынул из кармана жилета свои серебряные часы со сломанным стеклом, сверил время.

— Записывайте, Кузмич. Октябрь, одиннадцатое число. Время — одиннадцать часов тридцать две минуты. Смерть наступила приблизительно сорок пять минут назад. То есть ровно в одиннадцать часов сорок семь минут. За двадцать минут до взрыва на Набережной.

— Позвольте, ваше благородие, — Кузмич, кряхтя, достал из кармана плаща потрёпанную записную книжку в коленкоровом переплете и огрызок карандаша, который он предварительно послунял. — Как же сорок пять минут назад,

ежели учитель этот, Тренёв, божился, что пришел сюда в одиннадцать? Стало быть, граф тогда еще живой был, только дверь не открывал?

— Именно, Кузмич. В одиннадцать часов граф Пшемьцкий уже не мог открыть дверь, потому что был либо мертв, либо без сознания, — Коткевич опустил перед креслом на корзину, внимательно изучая руки покойного. — Посмотрите на пальцы графа. Они сведены судорогой. Ногти имеют характерный синюшный оттенок. А теперь посмотрите на столик. Бокал стоит ровно по центру салфетки. Если бы у человека начались судороги от цианида — а этот запах миндаля не оставляет сомнений в характере яда — он бы в предсмертной агонии смахнул и бокал, и бутылку, и этот столик. Но всё стоит идеально. Значит, бокал на столик поставил кто-то другой. После того как граф испустил дух.

— Так комната-то заперта была, пан Станислав! — Кузмич почесал дубовым набалдашником трости за ухом. — Изнутри! Мы ж ее сами только что вынесли. Как же убийца вышел и бокал поставил, ежели засов задвинут? По воздуху улетел? Так Бунин на веранде сидел, он бы заметил летуна такого четвертого этажа. По мне, так граф сам выпил, аккуратно бокал поставил, задвижку задвинул, сел в кресло и помер. Сердечный приступ от яда.

— Кузмич, вы упрямы, как волынский мул, — Коткевич поднялся, на его губах появилась тонкая, ироничная усмешка. — Вы готовы поставить бутылку французского коньяка

«Камю» против вашего любимого портового вертепа, что это самоубийство или несчастный случай?

— А и поставлю! — Кузмич азартно бахнул кулаком по ладони. — Бутылка против кабака «Три пескаря» у мола! Не бывает так, ваше благородие, чтоб дверь сама изнутри заперлась, когда убийца из комнаты уходит. Это вам не спиритический сеанс в Санкт-Петербурге.

— Отлично, пари принято, — Коткевич подошел к распахнутому окну, заглянул вниз, где ревело море, а затем внимательно осмотрел подоконник. — Убийца не летал, Кузмич. Он был здесь. И он оставил нам визитную карточку, которую вы не видите, потому что привыкли искать воров по кабакам, а не по манерам.

Коткевич достал из кармана анатомический пинцет. Бережно, едва дыша, он поднял со стола сигарный бант, лежавший рядом с пепельницей. Бант был из дорогой плотной бумаги с золотым тиснением.

— Посмотрите сюда, Кузмич. Бант не разорван пальцами, как это делают купцы или портовые чиновники. Он аккуратно разрезан миниатюрным ножом. Срез идеальный, под углом в сорок пять градусов. Так поступают только истинные аристократы или люди, получившие очень специфическое воспитание. Граф Пшемьцкий был правой, но судорога свела его правую руку так, что пальцы согнуты внутрь. Он физически не мог отрезать этот бант перед смертью. Его отрезал тот, кто курил вместе с ним. Или тот, кто инсцени-

ровал эту мирную картину.

Кузмич подошел ближе, шмыгая носом, взгляделся в крошечный кусочек бумаги на острие пинцета Коткевича. В его глазах филёра, несмотря на внешнее ворчание, на секунду промелькнул огонек азарта.

— Ладно, пан Станислав. Бант отрезан. Допустим. А с задвижкой-то что делать? Какая химия вашу латунь сквозь щель задвинуть может?

— Обыкновенная механика, Кузмич. Шелковая нить, кусочек воска и каминный зажим. Убийца привязывает нить к ушку задвижки, перекидывает ее через верхний край двери, выходит в коридор, прикрывает дверь и тянет за нитку снаружи. Задвижка падает в паз. Затем резкий рывок — шелк режет воск, нить выскальзывает наружу, оставляя лишь микроскопический след на латунь. Тот самый след, свежую царапину, которую я видел через лупу перед тем, как вы выломали косяк.

Гвоздевич, слушавший этот диалог с открытым ртом, тихо перекрестился: — Пресвятая Богородица... Это ж какая тонкая работа. Это что ж за дьявол у нас в «России» завелся?

— Дьявол, который очень торопился, — Коткевич повернулся к камину, где среди догорающих поленьев лежал обгоревший клочок плотной гербовой бумаги.

Польский дворянин опустил на одно колено прямо перед каминной решеткой, совершенно игнорируя летящую сажу, которая тут же испачкала его безупречные крахмаль-

ные манжеты. Пинцет в его руке действовал с хирургической точностью. Он бережно извлек из углей кусок документа, уцелевший буквально чудом благодаря тому, что упал в самый угол под зольник.

Кузмич наклонился над напарником, загораживая своей огромной спиной свет от окна.

— Что там опять, ваше благородие? Опять ваши бумажные улики?

— Хуже, Кузмич. Гораздо хуже для вашего пари, — Коткевич поднялся, держа перед собой обгоревший обрывок. — Посмотрите на штамп. Фиолетовая мастичная печать. *«Канцелярія Градоначальника. Особый отдѣлъ»*. А чуть ниже уцелели слова, написанные ровным канцелярским ронделем: *«...на закупку пулеметовъ системы...»* и цифра *«12 000 руб.»*. Граф Пшемыцкий не просто коллекционировал греческие амфоры в Ялте, Кузмич. Он финансировал тайные поставки оружия. И эта смета была подписана в ведомстве нашего глубокоуважаемого градоначальника Думбадзе.

В комнате повисла мертвая, звенящая тишина, нарушаемая только ревом шторма за окном и далекими криками паникующих постояльцев на Набережной.

Кузмич медленно снял фуражку, вытер рукавом лоб, на котором проступили крупные капли пота. Его мужицкая смекалка мгновенно подсказала ему то, о чем Коткевич говорил еще в пролетке. Это дело перестало быть просто загадкой запертой комнаты. Оно пахло большой политикой, тер-

рором и эсеровскими бомбами.

— Ну и дела... — тихо пробасил старый филёр, глядя на обрывок сметы. — Стало быть, пан Станислав, коньяк-то ваш отменяется? Тут как бы нас самих к этому покойнику в компанию не определили, ежели мы в канцелярию Думбадзе с такими расспросами сунемся. Жандармы нас сожрут и не поперхнутся.

— Сыскная часть империи не подчиняется страхам, Кузмич, — Коткевич бережно уложил обгоревший обрывок бумаги между страниц своего кожаного блокнота и со щелчком закрыл его. — Нам нужен убийца. И у нас есть ровно семь подозреваемых, которые находились на четвертом этаже в течение последнего часа. Начнем с нашего свидетеля с безупречным слухом. Гвоздевич, пошлите лакея в сорок первый номер. Пригласите к нам господина Бунина. Посмотрим, что его литературское ухо зафиксировало за этой дубовой стеной.

Глава 3. Свидетель с безупречным слухом

Иван Алексеевич Бунин сидел на самом краешке вольтеровского кресла, которое Кузмич бесцеремонно, с глухим стуком притащил из его собственного, соседнего сорок первого номера. Писатель выглядел совершенно измождённым, почти прозрачным в неверном, мигающем электрическом свете, который то и дело грозил окончательно погаснуть во всем правом крыле отеля. Тонкие, сухие аристократические пальцы литератора судорожно, до белизны в суставах, комкали белоснежный батистовый платок. На этой тонкой дорожкой ткани Коткевич ещё внизу, на залитых грязью ступенях парадного подъезда, заметил характерные яркие капли свежей сукровицы — след давней, изнуряющей чахотки, упрямо калечившей молодого автора. Бунин кашлял — сухо, надрывно, со свистом, который шел откуда-то из самой глубины его узкой грудной клетки. Всякий раз после очередного приступа он болезненно кривил тонкие губы, нервным движением поправлял сползающее золото пенсне на переносице и бросал полные глубокого, почти физического брезгливого отвращения взгляды на тяжёлые, облепленные грязью юфтовые сапоги Кузмича. От этих огромных провинциальных сапог старого филёра на безупречном, наборном паркете но-

мера 42 уже натекла порядочная, грязная, пахнущая портовым дегтем и конской мочой лужица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.